

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

УДК 340.112
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-69-82
EDN DLZHOP

Дуализм традиционных духовно-нравственных ценностей

Антонченко В.В.

Дальневосточная пожарно-спасательная академия – филиал Санкт-Петербургского университета
ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
Россия, 690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, д. 27
antovadim@yandex.ru

Аннотация. Проблематика традиционных духовно-нравственных ценностей требует и своего доктринального осмысления. Несмотря на многочисленность публикаций в этой области, практически отсутствуют исследования, подвергающие общепринятые подходы к некоторым дефинициям в данной сфере критическому анализу. Целью исследования является выявление связи феномена традиционных духовно-нравственных ценностей с универсальными ценностями. В результате выявлено, что традиции, обладающее характеристикой самоорганизации, облегчают индивидуальное и социальное восприятие тех или иных событий и формируют реакцию на них. Традиционные духовно-нравственные ценности имеют не правовой, а личный характер. Вместе с тем традиции, воплощающие универсальные ценности, к которым относятся морально-нравственные представления о должном, отраженные в доктрине естественного права и институте права человека, требуют поддержки со стороны публичной власти. Расположение универсальных благ в основании системы духовно-нравственных ценностей, отражение их верховенства в традициях позволяет обществу достигать прогресса на пути социальной эволюции. Традиции, препятствующие прогрессивным преобразованиям, требуют пересмотра. Отношение позитивного права к универсальным ценностям служит выражением правовой сущности государства, его способности обеспечивать благополучие и безопасность граждан.

Ключевые слова: традиции, традиционные ценности, мораль, нравственность, права человека, государство, право

Для цитирования: Антонченко В.В. 2026. Дуализм традиционных духовно-нравственных ценностей. *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право*, 51(1): 69–82. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-69-82 EDN: DLZHOP

Dualism of Traditional Spiritual and Moral Values

Vadim V. Antonchenko

The Far Eastern Fire and Rescue Academy, branch of the Saint Petersburg University
of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero
of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev
27 Ajax settl., Russky island, Vladivostok 690922, Russian Federation
antovadim@yandex.ru

Abstract. The problem of traditional spiritual and moral values, the relevance of which has increased significantly in recent years, both at the everyday and expert levels, requires its own doctrinal understanding. Despite the numerous publications in this field, there are practically no studies that critically analyze generally accepted approaches to certain definitions. The purpose of this study is to

provide a brief analysis of the phenomenon of traditional spiritual and moral values and their connection with universal ones. As a result of the research, it was revealed that traditions, as a social phenomenon with the characteristic of self-organization, have a very broad understanding and develop over a long time; as a model of behavior, they facilitate individual and social perception of certain events and form a reaction to them. Traditional spiritual and moral values have not a legal, but rather an individual, personal character, which in a rule-of-law democratic state limits its interference in this area of social existence. At the same time, traditions embodying the content of universal values, which include the most important moral concepts of what is due, reflected in the doctrine of natural law and the institution of human rights, combining the objectivity of the law and the subjectivism of morality, require unconditional support from public authorities. Placing the universal good at the foundation of the system of spiritual and moral values, reflecting their supremacy in traditions, allows society to achieve progress on the path of its social evolution. At the same time, traditions that do not take into account the conditions of the changing environment, and thus hinder progressive transformations, create unfavorable conditions for social evolution and require revision. The relation of positive law to universal values is an expression of the legal essence of the state, its ability to adequately respond to modern challenges and threats, to ensure the well-being and safety of citizens.

Keywords: traditions, traditional values, morality, ethics, human rights, the state, law

For citation: Antonchenko V.V. 2026. Dualism of Traditional Spiritual and Moral Values. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51 (1): 69–82 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-69-82 EDN: DLZHOP

Введение

Проблема духовно-нравственных ценностей, их взаимодействие с иными феноменами общественного бытия и влияние на развитие социума находится в последнее время в центре публичного дискурса, адресованного многочисленной и гетерогенной аудитории, отличающейся крайней неоднородностью субъектов по самым разнообразным признакам (пол, возраст, социальное положение, образование и т. д.). Сложнейшие процессы эволюции социума и техносферы требуют определения как фундаментальных основ, так и вектора их развития, соответствующего ожиданиям индивидов и общества. Поводом для настоящего исследования является необходимость определения существа традиционных духовно-нравственных ценностей, их связи с моралью и нравственностью, а также выявления их места в системе универсальных благ.

Целью исследования является определение актуальности и функциональности традиционных духовно-нравственных ценностей в современном обществе, идентификация универсальных и контекстуальных ценностей и оценка их вклада в социальное благополучие. Необходимость выйти за рамки поверхностного восприятия традиционных ценностей и выявить их смыслы и исторические корни вызвана требованием оценки потенциальных последствий мифологизации и идеологизации ценностных установок, способных иметь неоднозначные, с точки зрения созидания и прогресса, последствия. Также целью работы является инициирование общественного диалога и индивидуальной рефлексии по поводу традиционных ценностей, обоснование несовместимой с догматизмом и нетерпимостью необходимости уважения к иным точкам зрения.

Ценностные основы всех сфер социального бытия являются базисом и важнейшим фактором общественных трансформаций, позволяющим преодолеть культурные, узкогрупповые и идеологические заблуждения, неизбежно возникающие на пути социальной эволюции, нередко отягощающейся различными отклонениями (флуктуациями и регрессом), порождающими значительную неравномерность в культурном, социальном и технологическом развитии различных государств и народов.

Автор использует аксиологический метод, а также метод критического анализа, без применения которого прогресс знания о явлениях социальной жизни, обеспечивающий благополучие и безопасность общества и государства, невозможен. В соответствии с принципами академической добросовестности, исследование ценностной сферы индивида и социума опирается на предшествующие научные труды автора, в которых производится осмысление взаимоотношений государства, права, морали и религиозных учений, претендующих на некое сакральное знание. Предыдущие публикации, являясь частью непрерывного процесса накопления и развития знаний, служат основой для теоретической концепции и методологического аппарата настоящего исследования, обеспечивая возможность сравнительного анализа и сопоставления результатов.

Огромное влияние на понимание традиций как живого, развивающегося нарратива, в рамках которого формируются добродетели и этические системы, оказали работы А.Ч. Макинтайра (англ. A. McIntyre) [2000; 2006, с. 186-232; 2008, с. 138-148] и Ч. Тейлор (англ. Ch. Taylor) [1989], в которых ученые критически пересматривают модернистские представления о традиции как о чем-то статичном и устаревшем и подчеркивают динамический характер традиции, ее способность к адаптации и переосмыслению, рассматривают ценности не как абстрактные категории, а как живые ориентиры, формирующие идентичность и мировоззрение. Р. Инглхарт (англ. R. Inglehart) и К. Вельцель (англ. Ch. Welzel) исследуют обширные эмпирические данные о динамике традиционных и секулярно-рациональных ценностей, а также ценностей выживания и самовыражения в различных странах мира, выявляя корреляции с экономическим развитием и демократизацией [2011]. М. К. Нуссбаум (англ. M. Nussbaum) в своих работах по этике и политической философии обращается к вопросу о том, как традиционные ценности могут вступать в конфликт с универсальными принципами справедливости и прав человека, особенно в отношении женщин и меньшинств, предлагая подходы к разрешению этих конфликтов [2014; 2023]. Один из ведущих теоретиков коммунитаризма А. Этциони (англ. A. Etzioni) подчеркивает важность традиционных ценностей и сообществ для поддержания социальной сплоченности и морального порядка в условиях индивидуализма и атомизации современного общества [2001; 2004]. Большой вклад в исследование содержания традиционных ценностей и институтов, их инкорпорации в социальные практики, мышление и восприятие индивидов, в социальное поведение и мировоззрение, социальную сплоченность и моральный порядок в условиях индивидуализма и атомизации современного общества, внесли Ш. Н. Эйзенштадт (англ. Sh. Eisenstadt) [1999], Э. Гидденс (англ. A. Giddens) [2015; 2018], П. Бурдьё (P. Bourdieu) [2016; 2018] и многие другие ученые. Труды современных мыслителей, посвященные исследованию традиционных ценностей, демонстрируют их непреходящую актуальность и многогранность. Исследование данной сферы является важным инструментом для осмысления настоящего и формирования более устойчивого и гармоничного будущего, помогающим обществу понять себя, а также вызовы и возможности, с которыми оно сталкивается в XXI веке.

Теоретическое осмысление идей, теорий и взглядов на роль деонтологии в процессе формирования индивидуального и общественного сознания и место предшествующего опыта поколений способно помочь преодолеть ситуацию культурного тупика и обеспечить социуму возможность прогресса. Конституционное закрепление принципа верховенства прав человека наделяет данный подход свойствами базиса для формирования всей политико-правовой среды. Индивидуальное и общественное сознание, подчиняющееся указанному принципу и свободное от культурных и идеологических заблуждений, обеспечивает возможность роста интеллектуального, культурного и

морально-нравственного потенциала, наделяет социальный прогресс смыслом и целесообразностью.

Традиции, мораль и нравственность

Традиционные ценности – это ценности, основанные на традиции. Традиции (от лат. *traditio* – предание, обычай) – это, в свою очередь, множество представлений, обрядов, привычек и навыков практической и общественной деятельности, передаваемых из поколения в поколение и выступающих одним из регуляторов общественных отношений¹. Изначально понятие «традиция» включало в себя аспект особого уважения к полученному в качестве дара опыту, обычаю. Позже, с развитием христианства, под традициями стали понимать, в основном, религиозный и церковный опыт, передаваемый от прошлых поколений людей. До Нового времени это понятие было связано с чем-то прошлым, с тем, что утратило новизну и символизирует некий застой [Зберовский, 2009]. Становление светского мировоззрения, достигшего апогея в эпоху европейского Просвещения, породило противостояние между традициями и новизной, обращенной к рациональности (от лат. *ratio* – разум).

Дальнейшее развитие науки и лежащего в ее основании критического разума, обострили данное столкновение между традиционным и рациональным. Новации в общественной жизни (расформирование иерархичного и сословного общества, гуманизация социальных отношений, секуляризация, успехи научного познания и обретение новых технологий и др.), повлекшие за собой существенное повышение качества жизни в странах, претерпевших значительные реформы в социально – политической жизни, связали понятие «традиций» с представлениями об отсталости, которую демонстрировали страны, придерживающиеся традиционного уклада социального бытия.

Сегодня доминирующим является историческое понимание традиции как ограниченного временными рамками и изменчивого феномена. Инфляция данного понятия наделяет его широчайшими возможностями для восприятия: от народных обычаев, зачастую связанных с причудливыми действиями местных жителей, до сущности предельно общих философских категорий бытия, трансцендентных принципов универсального (вселенского) порядка, недоступных эмпирическому опыту, и экзистенциальных рефлексий человека на него [Бенуа, 2008]. Если первая крайность понимания традиции символизирует стабильность вплоть до застоя, то вторая ментально, то есть через установки сознания, восприятия и мышления избавляет индивиды, их сообщества и все общество от необходимости критически осмысливать ситуацию и принимать рациональные решения. Иными словами, традиции – это «правила игры», невидимые организующие принципы, следование которым если не помогает нашему пониманию происходящего, то, по крайней мере, облегчает наше восприятие и последующие действия.

Традиции в обществе как модель поведения, основанная на представлениях о должном и ценностях (традиционные духовно-нравственные ценности), формируется в конкретно – исторический период и, как правило, выражает интересы определенной социальной группы (религиозной, национальной, имущественной и пр.). Традиции очень разнообразны и следуют сложившимся в социуме моральным представлениям, также крайне отличающимся друг от друга в зависимости от конкретно – исторических условий.

Ригидность традиций, основанных на шаблонных тактиках поведения и повторяющихся ритуалах, может провоцировать неэффективность общественной и

¹ Традиция / Гофман А. Б. // Тихоходки - Ульяново. М. : Советская энциклопедия, 1977. (Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров ; 1969-1978, т. 26).

политико – правовой модели, неспособной меняться в соответствии с изменяющимися условиями социальной среды. Приверженность индивидов, их общностей и всего социума определенной схеме, жесткие внешние барьеры, ограждающие их от информации о событиях реальной действительности, не только поддерживают у них устойчивые представления о себе и окружающем мире, но и обуславливают их закрытость, невосприимчивость нового знания и, как следствие, некомпетентность в самом широком смысле.

Мораль (лат. *moralitas* – нравственный) – это разновидность социальных норм, охраняемых общественным мнением и отражающих представления людей о должном и справедливом. Нравственность – это индивидуальные моральные качества человека, которыми он руководствуется в своих действиях и решениях. В большинстве случаев через устойчивое выражение «морально-нравственные качества» понятия морали и нравственности употребляются как синонимы.

Государство, создавая право, учитывает сложившиеся морально-нравственные представления общества о должном и недолжном, однако, до тех пор, пока норма не закреплена законодательно, она, с точки зрения закона, не является обязательной для исполнения, за ее нарушение субъект не несет юридической ответственности. Нарушение морально-нравственных и правовых норм влечет за собой разные негативные последствия для нарушителя, однако право, имеющее в своем арсенале юридические санкции, вовсе не является, как может показаться, более жестким регулятором, чем мораль, грозящая лишь общественным порицанием: переживания и эмоции человека в случае нарушения им моральных норм, связанных с такими понятиями, как долг, честь, репутация, а также общественное осуждение, могут оказывать даже большее влияние (и, соответственно, сильнее побуждать к определенным действиям), чем последствия по закону [Антонченко, 2023-а].

Право и мораль, будучи ключевыми регуляторами общественных отношений, преследуют единую цель – сохранение социального равновесия, что делает их фундаментальным социальным благом. Несмотря на свою автономию и специфику воздействия, они тесно взаимосвязаны. Мораль функционирует как механизм духовного влияния, формируя общественное мнение и мотивируя людей на социально одобряемое поведение. Важно отметить, что концепция «общественно одобряемого» может быть искажена. Манипулируя общественным сознанием, можно представить любые процессы в выгодном «моральном» или «аморальном» свете и даже управлять их развитием, навязывая как конструктивные, так и деструктивные идеи. В своей основе и право, и мораль воплощают принципы справедливости и служат индикаторами цивилизационного развития общества и эволюции государственности.

Функция морали в исторической ретроспективе заключалась в обслуживании групповых (классовых, сословных и др.) идеалов и коррелирующих с ними ценностных установок. Мораль выступала механизмом легитимации этих идеалов в глазах всего социума, особенно в условиях снижения эффективности прямого принуждения. Этот принцип тонко подметил И. А. Гончаров, указав, что «добровольно взятое на себя иго – уже не иго: оно легче и охотнее переносится, особенно когда подкладкой ему служит симпатия. Мы всегда охотнее даем то, чего от нас не требуют и чего мы не обязаны давать»¹.

Системы моральных ценностей многообразны и зачастую определяются социальной структурой. Существуют этические кодексы, характерные для иерархических и сословных обществ, а также мораль, основанная на религиозных догмах святости и благочестия. Собственные нормативные системы формируются как в легитимных политических режимах (демократиях, тираниях), так и в маргинальных сообществах, например

¹ Гончаров И. А. На родине : Сборник. Москва: Советская Россия, 1987. 397 с.

в криминальной среде. Карл Маркс, анализируя буржуазную этику, утверждал, что она подчинена логике капитала: при достижении 100% прибыли игнорируются все человеческие законы, а при 300% – капитал готов пойти на любое преступление, невзирая на риск сурового наказания [1949, с. 764]. Парадоксально, но коммунистическая мораль, провозглашенная как высшее достижение человеческой нравственности, обернулась идеологией, оправдывающей истребление миллионов людей и целых классов.

Суть моральных предписаний заключается в их условности и подверженности изменениям, отражая эволюцию самого социума. История человечества изобилует примерами того, как моральные догмы, казавшиеся незыблемыми, в дальнейшем претерпевали радикальные трансформации, зачастую принимая противоположный характер. Это обстоятельство является основой для возникновения морального релятивизма. Так, представители морального консерватизма могут отвергать такие явления, как добрачный секс, аборт, межрасовые браки или профессиональную активность женщин, которые в современном обществе стали обыденностью. Моральные установки конкретного социума могут санкционировать действия, противоречащие индивидуальным нравственным установкам, а гибкость, с которой человек оперирует моральными нормами, способна поставить под сомнение саму идею существования некой фундаментальной, универсальной морали.

Категорический императив, введенный И. Кантом [2019], постулирует абсолютное подчинение индивида моральному закону. Примечательно, что спустя полтора столетия высокопоставленные деятели нацистской Германии интерпретировали это философское учение как выражение «чистой нордической немецкой души» и как основу для выполнения своих обязательств [Арендт, 2008]. Реализация данного «долга» привела к событиям Второй мировой войны и связанным с ними масштабным бедствиям.

Нравственность, как и мораль, является продуктом общественных отношений, древнейшей формой общественного сознания. Моральные нормы представляют собой индивидуальные представления человека о том, что является правильным и неправильным. Согласно одной из точек зрения, преимущественно религиозного характера, нравственность, несмотря на свою индивидуальную природу, обладает фундаментальной неизменностью и абсолютностью [Бердяев, 1931; Буллер, 2018]. Данное утверждение вызывает сомнения. Индивидуальная этика неразрывно связана с нормами, принятыми в обществе. Как отмечал В. И. Ленин в своем труде о партийной литературе как инструменте пропаганды: «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» [1968, с. 99-105]. Нравственность, как проявление индивидуальных качеств и интериоризированных установок человека, демонстрирует ещё большую степень релятивности по сравнению с моралью. Эта личностная характеристика, формирующая внутренние ориентиры индивида относительно этических категорий («добра» и «зла», «хорошего» и «плохого»), поддается эффективной коррекции, соотносясь с потребностями как самого субъекта, так и его социальной среды.

В отличие от норм права, моральные, нравственные, религиозные и иные подобные нормы и правила, отражающиеся в социальной практике, обычаях и традициях, не устанавливаются и не охраняются государством. В этом фундаментальная аксиома всей теории государства и права. Неправовые принципы, правила и нормы, которыми руководствуются социальные субъекты в своих действиях, родившись на заре человеческой цивилизации вместе с появлением общества, диалектически связаны с правовыми, то есть взаимно влияют и обуславливают друг на друга.

Традиционные ценности

Под традиционными ценностями понимаются «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению,

лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»¹.

Анализ феноменов, относимых к традиционным ценностям (жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкую семью, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческую память и преемственность поколений, единство народов России), заставляет отметить их разнородность, неравнозначное ценностное наполнение и оценочный характер. Практически все социально – философские феномены (кроме универсальных ценностей, к которым относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека), представленные в законодательстве как традиционные духовно-нравственные ценности, сформулированы с настолько широкой степенью обобщения, что это осложняет как возможности их конструктивного теоретического анализа, так и практического применения.

Так, например, указанная как традиционная ценность «историческая память» несвободна от обоснованной потребности ее анализа на предмет универсализма, релятивизма, осмысленности и существования, как такового. Историческая (коллективная) память понимается как память об историческом прошлом, как символическая репрезентация исторического прошлого [Репина, 2003]. По А.И. Макарову [2012], совокупность различных знаний и особенности когнитивных процессов, исторические образы, должны были бы обеспечить целостность восприятия окружающего мира. Однако в силу возможной идеологизации любого, в том числе и исторического, знания, а также частой смены социально-политических парадигм, их разнонаправленности, общность представлений о прошлом как отдельных индивидов, так и всего социума является не только труднодостижимой, но и вряд ли целесообразной. Так, например, сегодня даже историческая наука (не говоря уже про обыденное представление общества в целом) не имеет единого подхода к освещению даже ключевых для России в XX в. событий. Так, по вопросу государственной трансформации 1917 г. одновременно существуют разные, в том числе и диаметрально противоположные, позиции: были эти события положительными или отрицательными для развития страны, явились ли они величайшей трагедией (большевистским переворотом), которая привела к поражению в войне, краху государства, десакрализации власти и секуляризации общества или стали грандиозным явлением (Великая Октябрьская социалистическая революция), очистившим страну от пережитков самодержавия и религиозного мракобесия, давшим возможность выстроить новое государство для блага всех проживающих а нем народов?

Релятивизм исторических оценок (и всего исторического знания), следующий непостоянству идеологических доминант, характерен для подавляющего большинства важнейших событий в отечественной истории. Вместе с тем, историческая память о важнейших этапах становления государства, подвергающаяся различным оценкам (Гражданской войне 1918–1923 гг., коллективизации 1928–1937 гг., массовых репрессиях 1932–1947 гг., Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., послевоенном государственном строительстве, крахе СССР в 1991 г. и многом другом), действительно, требует очищения от псевдоисторических, но претендующих на научность, идейно-теоретических концепций. Данный вывод касается не только советского периода, но и всей отечественной истории.

Особый интерес представляют воззрения и традиции особой формы осознания мира, обусловленной верой в сверхъестественное, выражающейся в религиозных верованиях,

¹ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 22.02.2026).

предъявляемые сегодня как всеобщие духовно-нравственные ценности. Действительно, христианство, ислам, буддизм, иудаизм и иные конфессии, являющиеся неотъемлемой составляющей российского исторического и духовного достояния, внесли существенный вклад в становление традиционных ценностей, разделяемых как верующими, так и неверующими гражданами. Однако, например, отношение религии к индивиду («первородный грех»: Быт 3:1–13, «раб божий»: Гал.1:10); к вопросам гендерного равенства и праве людей контролировать свою рождаемость; к существованию публичной власти («вся власть - от Бога»: Рим. 13:1); к науке и научному знанию; к положению женщин в обществе и семье («жена да убоится мужа»: Мф. 19:5); к запрету или, наоборот, повелению употреблять определенную пищу, носить особую одежду, подвергаться некоторым медицинским процедурам к противникам, к которым относятся представители любой другой веры, конфессии или взглядов (разделение на «верных» и «неверных»), ставит под сомнение ее способность к социальной интеграции на основе общности культурно - символических образов.

Представляется целесообразным выявить, имеет ли объединение людей в религиозные организации, выполнение ими обрядов и культовых действий, действительное отношение к формированию духовно-нравственных ценностей, соответствующих современным представлениям о социальном взаимодействии индивидов? Исследования показывают, что религиозная самоидентификация большинства граждан не коррелирует с их внутренними, глубоко укоренившимися сакральными переживаниями или убеждениями.

Для значительной части тех, кто причисляет себя к верующим, религиозность, по всей видимости, является скорее социокультурным феноменом, своего рода трендом, сменившим доминировавший в советское время атеизм. Доля россиян, для кого религия важна, составляет 40%, лишь 15% регулярно посещают церковь (мечеть, синагогу и пр.), и менее 1% участвуют в церковной жизни¹. Таким образом, можно сделать вывод о том, что российское общество традиционно остается светским [Антонченко, 2023-б, с. 40–48; Антонченко, 2025, с. 108–114].

Иные социально-философские категории, представленные как традиционные духовно – нравственные ценности, также несвободны от необходимости конкретизации терминов, их значения и ценностного наполнения. Без данной процедуры вряд ли возможно осуществлять индивидуальную поднормативную регламентацию общественных отношений [Кашанина, 1974]. Более того, неопределенность понятий дает настолько широкие возможности для их толкования, что может позволить интерпретировать их крайне искаженно, вплоть до полной противоположности смыслов. Высокие нравственные идеалы – не запретить ли добрый и внебрачный секс?

Приоритет духовного над материальным – не прекратить ли индексацию заработной платы в соответствии с инфляцией (а то и перейти к работе за «трудодни», как уже было в недавней отечественной истории)? Созидательный труд – не сделать ли его обязательным, а то и принудительным? Крепкая семья – не запретить ли разводы?² Способность правоприменения исказить смысл даже однозначно толкуемого закона общеизвестна, в случае же неопределенности «перегибы на местах» (и не только) очень недолго заставят себя ждать.

¹ Сайт ВЦИОМ <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения: 23.02.2026); Сайт РИА <https://ria.ru/20230801/rpts-1887457963.html> (дата обращения: 23.02.2026).

² Автор отнюдь не преувеличивает проблему; предложение наказывать граждан за разводы прозвучало на заседании комитета нижней палаты парламента по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства в январе 2024 г. URL: <http://duma.gov.ru/multimedia/video/events/98236/> (дата обращения: 22.02.2026).

Анализ проблематики духовно-нравственных ценностей обнаруживает их глубоко индивидуальный, личный, даже интимный характер. Возможность регулирования данной сферы правовыми средствами представляется сомнительной. Традиционные духовно – нравственные ценности вряд ли можно установить императивно. Традиции складываются на протяжении гораздо более длительного периода времени, чем тот, который может быть отражен средствами законодательного процесса. Кроме того, при законодательном закреплении духовно – нравственных ценностей, они перестают быть таковыми, поскольку приобретают свойство и статус правовых норм со всеми вытекающими из этого факта последствиями, предусматривающими охрану их государством и государственным преследованием за их нарушение.

Универсальные ценности и права человека

Для глубокого понимания ценностей важно рассматривать их не изолированно, а в рамках историко-культурной системы, включающей время и пространство. Это означает, что ценность (будь то благо или интерес) должна оцениваться исходя из ее актуальности для отдельного человека и общества в определенный момент и в определенном месте. Такой подход позволяет решить проблему релевантности как самих ценностей, так и связанных с ними традиций. С.Х. Шварц подчеркивает, что универсальные ценности обусловлены тремя базовыми типами человеческих потребностей: физиологическими, потребностями в организации совместной жизни и потребностями, направленными на обеспечение благополучия и выживания групп [1987]. Так, жизнь (и здоровье, не упоминаемое среди указанных традиционных ценностей) важны для каждого человека, независимо от времени (эпохи) и места (страны) его нахождения. Так же важна свобода, доступ к обеспечивающим жизнь благам и обладание имуществом, способные удовлетворить как основные (пища, жилище, безопасность и т. д.), так и последующие (любовь, уважение, познание и т.д.) потребности. Здесь мы фактически сталкиваемся с пирамидой потребностей А. Маслоу [1954] – иерархической моделью потребностей человека, которые управляют мотивами индивида, а, следовательно, оказывают влияние на его поведение, исторически закрепляющиеся в тех или иных традициях.

Психически нормальные люди в своем подавляющем большинстве желают жить, а не умереть, быть здоровыми, а не больными, не страдать от голода, холода, пыток и непосильного труда. Люди реализуют свои представления о должном в своей жизни через индивидуальные предпочтения: иметь или не иметь семью, детей; получать те или иные удовольствия от своей работы, творчества, общения, секса и т. п.; находится в безопасности и т. д. Блага, которые являются неизменными на протяжении обозримого времени и в любом государстве на Земле, можно полагать, в отличие от иных, универсальными. Правомерные потребности, имеющиеся у индивида, требуют наличия законной возможности их удовлетворения. Человечество в своем цивилизационном развитии шло к признанию этих ценностей в образе парадигмы прав человека, которые цивилизованное государство должно: а) признать, б) обеспечить, в) защищать.

Несмотря на то, что универсальность прав человека подвергается критике, они являются неотъемлемой ценностью для каждого человека, независимо от его этнической принадлежности, расы, социального статуса или религиозных убеждений. То, как социум и публичная власть принимают универсальный взгляд на права человека, отражается в законах и их применении, формируя отношения между человеком, государством и обществом. Это напрямую влияет на их благополучие, безопасность, способность к развитию и прогрессу. Права человека – это не готовое решение, а стремление общества к свободе, справедливости и равенству, преодолевающее их отсутствие. Признание и охрана государством прав человека,

сочетающих в себе моральные нормы и юридические свойства, позволяют государству достичь более совершенных форм общественного устройства. Наоборот, ценности, представляющие важность лишь в определенном месте, в определенное время либо для определенного круга лиц, не являются универсальными. Защита этих не универсальных благ может осуществляться органами публичной власти, но лишь постольку и в той мере, поскольку это не нарушает основных (универсальных) ценностей. В рамках различных идеологических и религиозных систем, ценность личности зачастую обусловлена её принадлежностью к определённой социальной группе, конфессии или географическому региону. При этом человек нередко рассматривается как средство или ресурс для реализации целей, диктуемых соответствующими моральными доктринами. Следовательно, любая концепция, не утверждающая безусловную ценность каждого человека и его жизни, не может претендовать на универсальность [Антонченко, 2024].

Традиционные духовно-нравственные ценности могут быть универсальными (жизнь, здоровье, свобода, равенство и иные важнейшие права человека) либо производными от универсальных ценностей (определённые представления об устройстве общества, о взаимоотношениях индивида и государства).

Во втором случае роль данных ценностей и связанных с ними обычаев, традиций и правовых норм заключается в обслуживании важнейших благ, имеющих высшую ценность. Только в этом случае они не будут являться пережитками, от которых общество должно освобождаться в своем движении по пути цивилизационного прогресса. В противном случае понятие традиционных ценностей может быть использовано для маскировки социально-вредных архаизмов, крайне небезобидных для общества и государства. Пережитки прошлого, деформируя цели социального развития и давая новую жизнь идеологическим химерам, уже обошедшимся народам огромными жертвами, могут нести угрозы стабильности и безопасности социума.

Анализ текущей социально-политической конъюнктуры глобального масштаба убедительно демонстрирует, что поступательное развитие общества неразрывно сопряжено с процессами демократизации и утверждением принципов правового государства. Эти фундаментальные элементы являются необходимым условием для достижения устойчивого благосостояния граждан и обеспечения их безопасности. Стабильность общества и устойчивость власти приобретается государством в ходе различных эволюционных и революционных трансформаций, сопряженных с отказом от сдерживающих, а, порой, и варварских традиций.

Так, например, сегодня в мире почти не применяется практика ритуальных жертвоприношений и каннибализма (за исключением некоторых сообществ в африканских государствах) [Жирар, 2010], однако вплоть до XX века в Японии, Китае и Египте существовала традиция сжигать людей на кострах за некоторые преступления [Рагимов, 2016]. Исторически недавней (и далеко не везде прекратившейся) традицией было социальное насилие к самым разным группам индивидов: ведьмам, еретикам, сумасшедшим, евреям, чужакам и т. д.

И сегодня во многих государствах продолжает существовать оправдываемая традициями дискриминация по признаку пола, расы, вероисповедания и т.д. [Feagin, Feagin, 1986], которая является естественным триггером социального неблагополучия. Существуют ли в России свои, особенные, духовно – нравственные ценности, неизвестные и недоступные народам других стран? Данный вопрос мог быть предметом отдельного исследования, однако, перечень указанных выше законодательно определенных ценностей позволяет заметить, что общие фундаментальные представления о благах и ценностях в России не отличаются от подобных представлений у других народов со схожей культурой.

Заклучение

Традиционные ценности, в значительной степени влияющие на вектор развития социума, являются результатом комплексного взаимодействия не только экономических и культурных реалий, но и политических доктрин и идеологических установок. Духовный мир человека и опосредующие их традиции объективно существуют и являются важным элементом индивидуального и общественного сознания, влияющим на социальное бытие. Проецирование предыдущего опыта на будущее позволяет индивидам чувствовать психологическую защищенность от неизвестных, и, возможно, неблагоприятных, изменений среды: социально-политических, технологических, правовых и прочих. Вместе с тем, множественность трактовок сознания, опирающихся исключительно на прошлый опыт и не учитывающих актуальных детерминант развития, создает ситуацию культурной ограниченности, препятствующей возможности индивидуального и общественного движения и развития. Когда-то обычной практикой в обществе Homo sapiens на протяжении веков был каннибализм; в некоторых племенах Африки подобные традиции сохраняются и в наши дни. Цивилизованное человечество избавилось от этого пережитка так же, как в более поздние времена оно освободилось (однако, как и в случае с каннибализмом, не везде) от практики жертвоприношений, калечащих наказаний, религиозных предрассудков, веры во власть от Бога, согласия с существованием сословного общества, дискриминации людей и их сообществ по гендерному, расовому, национальному, религиозному и другим признакам.

Обслуживание правом пережитков, маскирующихся под традиционные духовно – нравственные ценности, может представлять угрозу манипуляции массовым сознанием, а недобросовестное использование культурных, морально-нравственных и, особенно, правовых запретов может противоречить интегративному общественному интересу. Единственным надёжным инструментом защиты общества от деструктивного влияния идеологических, моральных и иных интерпретаций реальности, противоречащих фундаментальным представлениям о личности, свободе, справедливости и равенстве, характерным для современного развитого государства, является позитивное право. При этом оно должно базироваться на естественно-правовом подходе, признающем универсальные ценности, присущие человеческой природе.

Предыдущий опыт поколений, направлявших развитие общества в сторону прогресса, свидетельствует о том, что этот процесс состоит в постоянно развивающихся идеальных представлениях о должном и о ценностях, пусть недостижимых сегодня, но, тем не менее, оказывающих воздействие на первозданное невежество масс. Степень прогресса государства характеризуется отношением публичной власти к существу правовых ценностей, ценности индивида и самого права, которому и должны следовать традиции, мало доступные для государственного регулирования. Универсальной традицией должно стать нравственное требование, защищающее человека и его права. Облеченное в форму закона, это моральное основание должно быть фундаментальным базисом законодательства, определяющим цели и методы стратегического развития общества и государства.

Список литературы

- Антонченко В.В. 2023-а. Взаимодействие права и морали в процессе их трансформации. *Академический юридический журнал.*, 1: 5–13.
- Антонченко В.В. 2023-б. Государство, право и религия. *Научный вестник Омской академии МВД России.* 1: 40-48.
- Антонченко В.В. 2024. Универсальность прав человека как агрегация закона и морали. *Вестник Омского университета. Серия «Право».* 1: 5–14.

- Антонченко В.В. 2025. Социально-правовой анализ уголовно-правового запрета оскорбления религиозных чувств верующих. *Уголовная юстиция*. 26: 108-114.
- Арендт Х. 2008. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М., Европа, 424 с.
- Бенуа А. 2008. Определение Традиции. *Альманах «Полюс»*. 1: 3-4.
- Бердяев Н.А. 1932. Духовное состояние современного мира. *Путь*. 35: 56-68.
- Буллер А.В. 2018. С. Соловьёв и современность: О некоторых аспектах философии В. С. Соловьёва. М., Наука, 135 с.
- Бурдьё П. 2018. Homo academicus. М.: Издательство ИЭП, 464 с.
- Гидденс Э., Саттон Ф. 2018. Основные понятия в социологии. М.: Изд. дом ВШЭ, 336 с.
- Жирав Р. 2010. Козел Отпущения. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 336 с.
- Зберовский А.В. 2009. Культура как фактор обусловленности демократической традиции Древней Греции. Автореф. дис. ... докт. культурологии. Кемерово, 44 с.
- Кант И. 2019. Метафизика нравов. М., Родина. 272 с.
- Кашанина Т.В. 1974. Оценочные понятия в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск. 16 с.
- Инглхарт Р., Вельцель К. 2011. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 464 с.
- Ленин В.И. 1968. Партийная организация и партийная литература. В кн. Полное собрание сочинений В.И. Ленина, М., Т. 12, 576 с.
- Макаров А. И. 2012. Историческая память versus культурная память. В кн. Историческая наука сегодня: теория, методы, перспективы. Под ред. Л.П. Репиной. М., Изд-во ЛКИ. 608 с.
- Макинтайр А. 2000. После добродетели. Пер. с англ. Целищева. М.: Академический проект, 384 с.
- Макинтайр А. 2006. Бессознательное. Понятийный анализ. *Философско-литературный журнал «Логос»*. 1: 186-232.
- Макинтайр А. 2008. Императивы, причины действия и этика. *Философско-литературный журнал «Логос»*. 1: 138-148.
- Нуссбаум М. 2014. Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 182 с.
- Рагимов И.М. 2016. О нравственности наказания. СПб. Юридический центр, 224 с.
- Репина Л.П. 2003. Культурная память и проблемы историописания. М., ВШЭ. 44 с.
- Этциони А. 2004. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Ладомир, 342 с.
- Эйзенштадт Ш. 1999. Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект-Пресс, 415 с.
- Etzioni A. 2001. Next: The Road to the Good Society. New York: Basic Books, 63 p.
- Feagin J., Feagin C. 1986. Discrimination American Style. Institutional Racism and Sexism. Malabar, Fla, Publ. Robert Krieger Publishing Co. 241 p.
- Maslow A.H. 1954. Motivation and Personality. N.Y., Publ. Harpaer and Row, 411 p.
- Schwartz S.H., Bilsky W. 1987. Toward a Universal Psychological Structure of Human Values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 53: 550-562.
- Taylor Ch. 1989. Sources of the Self: The Making of the Modern Identity. Cambridge, England: Cambridge University Press. 624 p.

References

- Antonchenko V.V. 2023-a. Vzaimodeistvie prava i morali v protsesse ikh transformatsii [The interaction of law and morality in the process of their transformation]. *Akademicheskij juridicheskij zhurnal*. 1: 5–13.
- Antonchenko V.V. 2023-b. Gosudarstvo, pravo i religiya [Government, law and religion]. *Nauchnyy vestnik Omskoj akademii MVD Rossii* 1: 40-48.
- Antonchenko V.V. 2024. Universal'nost' prav cheloveka kak agregatsiya zakona i morali [The universality of human rights as an aggregation of law and morality]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»*. 1: 5–14.
- Antonchenko V.V. 2025. Sotsial'no-pravovoi analiz ugovovno-pravovogo zapreta oskorbleniya religioznykh chuvstv veruyushchikh [Socio-legal analysis of the criminal law prohibition of insulting religious feelings of believers]. *Ugolovnaya yustitsiya*. 26: 108-114.

- Arendt H. Banal'nost' zla. Eikhman v Ierusalime [The banality of evil. Eichmann in Jerusalem]. Moscow, Publ. Evropa. 2008, 424 p.
- Benua A. Opredelenie Traditsii [Definition of Tradition]. *Al'manah "Poljus"*, [The Polyus Almanac], 1: 3-4.
- Berdjaev N. A. Dukhovnoe sostoyanie sovremennogo mira [The spiritual state of the modern world], *Put'*, 35: 56-68.
- Buller A.V. 2018. S. Solov'ev i sovremennost': O nekotorykh aspektakh filosofii V.S. Solov'eva [S. Solovyov and Modernity: On some aspects of V.S. Solovyov's philosophy]. Moscow, Publ. Nauka, 135 p.
- Bourdieu P. 2018. Homo academicus. Moscow: IEP Publishing House, 464 p.
- Etzioni A. 2001. Next: The Road to the Good Society. New York: Basic Books, 63 p.
- Eisenstadt Sh. 1999. Revolyuciya i preobrazovanie obshchestv: Sravnitel'noe izuchenie civilizacij [Revolution and Transformation of societies: A Comparative Study of Civilizations]. Moscow: Aspect Press, 415 p.
- Feagin J., Feagin C. 1986. Discrimination American Style. Institutional Racism and Sexism. Malabar, Fla, Publ. Robert Krieger Publishing Co, 241 p.
- Giddens A., Sutton F. 2018. Osnovnye ponyatiya v sociologii [Basic concepts in sociology]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 336 p.
- Girard R. 2010. Kozel Otpushcheniya [The Scapegoat]. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House, 336 p.
- Inglehart R., Welzel Ch. 2011. Modernizaciya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya [Modernization, cultural changes and democracy: The sequence of human development]. Moscow: New Publishing House, 464 p.
- Kant I. 2019. Metafizika npravov [Metaphysics of morals]. Moscow, Publ. Rodina, 272 p.
- Kashanina T.V. 1974. Otsenochnye ponyatiya v sovetskom prave [Evaluative concepts in Soviet law]. Abstract. dis. ... cand. legal sciences, Sverdlovsk, 16 p.
- Lenin V.I. 1968. Partiinaya organizatsiya i partiinaya literatura [Party organization and Party literature]. In: Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii [The Complete Works]. Moscow, Vol. 12, 576 p.
- Makarov A.I. 2012. Istoricheskaya pamyat' versus kul'turnaya pamyat' [Historical memory versus cultural memory]. In: Istoricheskaya nauka segodnya: teoriya, metody, perspektivy. [Historical science today: theory, methods, prospects], red. L.P. Repinoy, Moscow, Publ. LKI, 608 p.
- McIntyre, A. 2000. Posle dobrodeteli [After virtue]. Translated from English. Tselishcheva, Moscow, Academic project, 384 p.
- McIntyre A. 2006. Bessoznatel'noe. Ponyatijnyj analiz [The unconscious. Conceptual analysis]. *Filosofsko-literaturnyj zhurnal «Logos»* [Philosophical and literary magazine "Logos"], 1: 186-232.
- McIntyre A. 2008. Imperativy, prichiny dejstviya i etika [Imperatives, reasons for action, and ethics]. *Filosofsko-literaturnyj zhurnal «Logos»* [Philosophical and literary magazine "Logos"], 1: 138-148.
- Maslow A.H. 1954. Motivation and Personality. N.Y., Publ. Harpaer and Row, 411 p.
- Nussbaum M. 2014. Ne radi pribyli: zachem demokratii nuzhny gumanitarnye nauki [Not for profit: why Democracy needs the humanities]. Translated from English by M. Bendet. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 182 p.
- Ragimov I.M. 2016. O npravstvennosti nakazaniya [On the morality of punishment]. Sankt-Peterburg, Publ. Juridicheskij centr, 224 p.
- Repina L.P. 2003. Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya [Cultural memory and problems of historical writing]. Moscow, Publ. VShJe, 44 p.
- Schwartz S.H., Bilsky W. 1987. Toward a Universal Psychological Structure of Human Values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 53: 550-562.
- Taylor Ch. 1989. Sources of the Self: The Making of the Modern Identity. Cambridge, England: Cambridge University Press. 624 p.
- Zberovskij A.V. 2009. Kul'tura kak faktor obuslovlennosti demokraticeskoi traditsii Drevnei Gretsii [Culture as a conditioning factor of the Democratic Tradition of Ancient Greece]. Abstract. dis. ... dokt. kul'turologii, Kemerovo, 44 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 30.10.2025
Поступила после рецензирования 04.02.2026
Принята к публикации 24.02.2026

Received October 30, 2025
Revised February 4, 2026
Accepted February 24, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Антонченко Вадим Викторович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Дальневосточная пожарно-спасательная академия – филиал Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, г. Владивосток, Россия.

Vadim V. Antonchenko, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Far Eastern Fire and Rescue Academy, branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev, Vladivostok, Russia.